

ТВАРДОВСКИЙ И УХСАЙ

Многолетняя творческая дружба связывала чувашского поэта Якова Ухсай с выдающимся русским советским поэтом Александром Твардовским. Они много раз встречались, вели оживленную переписку, делились своими планами, обсуждали свои произведения.

Заочно познакомились они в середине тридцатых годов. Впервые узнал Яков Ухсай о Твардовском после появления в «Литературной газете» отрывка из поэмы «Страна Муравия», потом прочитал и все произведение в «Красной нови». Рассказывая о своем впечатлении, Ухсай пишет: «Поэма Твардовского играла многими красками искрометного русского языка, была выдержана от начала до конца в рамках традиционного стихосложения. Она была новаторской, но не неожиданной — такую поэму давно ждал читатель»*.

Осенью 1937 года Ухсай выехал на лечение в Москву и тогда же состоялась его встреча с Твардовским. Вспоминая о ней, Ухсай в этой же статье рассказывает:

«Я на костылях появился в Москве и нашел приют в Малеевском доме отдыха писателей. После долгой изнурительной бессонницы, в тихой комнате, убранный коврами, как потом сообщили мне, я спал подряд восемнадцать часов. Проснулся от стука в дверь.

— Жив! — спросил голос.

— Пока не умер, — открыл дверь.

— Твардовский, — сказал он и легко пожал мне руку, как бы остерегаясь причинить боль.

Оказывается, работники дома отдыха, обеспокоенные моим подозрительно долгим молчанием, не раз и не два подходили к комнате и сочли удобным, если Твардовский, как поэт, разбудит поэта» [там же, стр. 110].

После этого Ухсай не раз бывал на квартире Твардовских в Москве, в Большом Могильцевском переулке. Александр Трифонович и его жена Мария Илларионовна тепло принимали его, заботились о его здоровье, побратски делились всем, чем могли. Твардовский и Ухсай часто ходили по окрестностям Старой Рузы, вели долгие беседы о литературе. Твардовский дружески поддержал тогда своего собрата, которому пришлось трудно из-за критического разноса, учиненного некоторыми «теоретиками». Впрочем, и самому Твардовскому пришлось пережить нечто подобное, некоторые литературоведы объявили Моргунка «крайним индивидуалистом», человеком не наших дней, а далеким «от бурной жизни страны» и т. д. Поэтому Твардовский с особенным пониманием отнесся к Ухсаю, который в то время пере-

* Яков Ухсай. Земля и поэзия. Альманах «Дружба» № 8. Чувашкнигоиздат, 1970.

живал вынужденный творческий застой, ничего не печатал. Твардовский помог ему преодолеть этот кризис.

Однажды Ухсай рассказал ему о своем земляке, посетившем столицу.

— Может быть, у тебя есть стихотворение об этом! — спросил Твардовский.

— Есть, — подтвердил Ухсай.

Тут же был сделан подстрочный перевод, который заинтересовал «заказчика», и Твардовский передал его Борису Ирину. В переводе Б. Ирины на «Рассказ деда Мурзука о поездке в Москву» появился в журнале «30 дней».

Твардовский и сам пытался переводить Ухсай, но потом отказался. Объясняя свой отказ, 6 сентября 1938 года он пишет:

«Дорогой Яша!

Стихи твои я начинал-начинал переводить, но все получается так похоже на меня, что просто неприлично».

8 марта 1939 года он сообщает ему:

«На днях выйдет моя книжка стихов с заимствованным у тебя названием «Сельская хроника». [Действительно в Уфе, в 1937 году, у Ухсай вышла книга под этим названием. — Ип. Ив.]. А после выхода книжки присылает ее с автографом: «Якову Ухсаю. Эта книжка обязана тебе своим заглавием. Буду рад, если и она тебя к чему-нибудь обяжет. А. Твардовский».

От Ухсай Александр Трифонович узнал о рано умершем классике чувашской литературы К. В. Иванове и написанной им поэме «Нарспи». Услышав же о приближающемся 50-летию со дня рождения классика чувашской литературы, он принял самое деятельное участие в издании «Нарспи» на русском языке, прочел переводы поэмы, сделанные А. Жаровым, Б. Иринуиным, чувашским писателем В. Ивановым-Пайменом. Сравнив их, он отдал явное предпочтение переводу Иринуина, написал положительную рецензию для издательства художественной литературы. Он высоко оценил поэму К. Иванова, отметил несомненно художественные достоинства «Нарспи» и настоятельно рекомендовал ее издать на русском языке.

В военные годы по не зависящим от них причинам Твардовскому и Ухсай не пришлось встречаться, вновь свиделись они уже после войны. Демобилизовавшись, Ухсай первым делом побывал у Твардовских, и вновь возобновилось их творческое содружество. В послевоенные годы их дружба еще более окрепла. Ухсай непременно приезжал к Твардовским во время съездов и пленумов Союза писателей, вечеров литературы и искусства и просто будучи по своим делам в Москве. Их дружба выдержала длительное испытание временем, и оба сохранили самое искреннее уважение друг к другу.

При содействии Твардовского ряд стихов нашего поэта вышел в журнале «Новый мир» и других московских изданиях. Ухсай тоже популяризовал творчество Твардовского среди чувашских читателей. При издании чувашского перевода «Василия Теркина» он предпослал ему теплое предисловие.

Дружеские отношения продолжались до тех самых горестных дней, когда

безжалостная смерть унесла Твардовского. Жена покойного и сейчас переписывается с Ухсаем, торопит его с воспоминаниями о друге. Недавно она прислала ему последнюю книгу поэта с трогательной надписью: «Посылаю книгу Саши, который Вам был близок».

Безусловно, о своем незабвенном товарище и собрате лучше мог бы написать сам Ухсай. Пережив горечь тяжелейшей утраты, он, наверное, и сделает это. Он не раз принимался за воспоминания, но никак не может завершить их. Его можно и понять, ибо очень и очень тяжело писать о близком друге, который всегда был с тобой, так много сделал для тебя и которого вдруг не стало. Тут может быть немало личного, сокровенного, сказанного и невысказанного между друзьями, чего сразу не выразишь на всеобщее обозрение и суждение. Имея это в виду, он и говорит: «Многие детали наших встреч и разговоров с Твардовским, хотя и крепко врезались в память, нет необходимости включать в автобиографию». [Альманах «Дружба» №8.]

Все же хочется надеяться, что Ухсай напишет более подробно о выдающемся советском поэте и замечательном своем товарище.

Поэтому наша цель другая: проследить, насколько возможно, творческие взаимосвязи двух больших поэтов современности, показать их близость, в ряде случаев совпадение их поэтических кредо, выявить истоки и причины продолжительного совместного сотрудничества между ними. Это необходимо сделать потому, что даже при беглом сопоставлении обнаруживается множество точек соприкосновения в содержании и форме их произведений, чего нельзя объяснить случайностью, для чего должны быть веские основания. Творческие взаимоотношения Твардовского и Ухсая в этом смысле несомненно дадут немало ценного и поучительного материала.

В своей книге «Яркий и самобытный талант» [Чувашкнигоиздат, 1972] я, касаясь этого вопроса, отметил некоторое сходство «Страны Муравии» и «Перевала», их основных персонажей, чем вызвал отдельные нарекания критиков. [См. О. Гладышева. Литературная жизнь Поволжья, Журн. «Волга», 1974, № 1]. Автор указанного обзора сетует по поводу того, что И. Иванов ограничивается простым «пересказом», не проводит глубокого анализа названных произведений. В другом месте своего обзора О. Гладышева говорит: «Да и нужна ли эта тенденция: самобытного чувашского поэта обязательно «укреплять» соседством какого-нибудь классического авторитета и лишь затем, чтобы сказать, что он все равно самобытен». [Там же, стр. 164].

Мне кажется, что такая тенденция нужна, ибо писатель живет не как бобыль в глухом лесу, а в тесном окружении своих коллег-современников, постоянно испытывая их очное или заочное влияние и воздействие, да и в самой литературе имеются разные стилевые течения и сложившиеся школы.

По-моему, ближе к истине Г. Волков, когда предлагает «... полнее показать творческие и товарищеские связи Я. Ухсая с представителями многих братских литератур, переписку с А. Твардовским, дружба с которым сыграла немалую роль в писательской судьбе чувашского поэта» [Г. Волков. От истоков до наших дней. Журнал «Лит. обозрение», 1974, 3, стр. 71].

Действительно, прослеживая основные вехи творческого роста Ухсяя, выявляешь активные его связи с представителями многих литератур. Но в данном случае нас более интересуют его связи с Твардовским. Характерно при этом, что их литературные симпатии в ряде случаев поразительно совпадают, в особенности в отношении к русским писателям. К числу своих учителей Твардовский и Ухсай относят Пушкина, Некрасова, Бунина, Исаковского. Ухсай отмечает, например, благотворное влияние на него некрасовской музыки, называет Н. А. Некрасова «Микулой Селяниновичем русской поэзии». Говоря о воздействии умной и лаконичной прозы на искусство стихосложения, он упоминает И. А. Бунина.

Исследователи отмечают глубокую связь поэм «Кому на Руси жить хорошо» и «Страны Муравии». В молодые годы Твардовский сильно увлекался и Буниным:

«Я встречался с героями Бунина как со своими старыми знакомцами, когда впервые читал его книги,— я их уже видел и запечатлел в памяти моего деревенского детства и ранней юности». [А. Твардовский. Собр. соч., т. 1, Гослитиздат, М., 1959, стр. 489].

Случайное совпадение? Тогда что же роднит Ухсяя с Твардовским, что их так крепко и прочно связывает! Обычные товарищеские отношения или творческая близость, сходство художественных вкусов!

Обратимся к их биографиям, к рассмотрению той социальной и духовной среды, где рос и мужал их талант.

Они почти сверстники: один родился в 1910, другой — в 1911 году. Во многом, особенно в детстве и юности, их жизнь пошла схожими путями, условия воспитания также не слишком отличались. Первые впечатления детства связаны у них с крестьянским бытом. Выехав на высокий днепровский откос, напишет потом Твардовский, мальчику показалось «страсть как жутко и высоко на возу». Читаем Ухсяя:

Я первый раз сегодня
тянусь
и не могу добраться до удил.
Тогда отец меня
заботливо приподнял
и, как царя на трон,
на лошадь посадил.

Каждый отрывок сам по себе вполне оригинален, но между ними есть и ясно ощутимое сходство.

В юности оба будущих знаменитых поэта прошли журналистскую школу. Корреспондентские маршруты обогатили их весьма ценными жизненными наблюдениями. Иногда приходится слышать сетования на газетную спешку и поверхностность. Тем не менее газетная практика дает богатейший сырой материал любому писателю.

Возмужание и окончательное формирование их таланта пришлось на ту